

УДК 811.161.1'1

Л.Г. Гынгазова

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОМАТИЗМОВ
В ОПИСАНИИ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ**

Рассматривается когнитивная специфика соматических имён, функционирующих в составе идиом в дискурсе языковой личности диалектоносителя. Анализ выявляет одно из типологических свойств традиционной картины мира, проявленной в индивидуальном сознании: высокую степень «телесности» мировидения как особый когнитивно-культурный феномен.

Ключевые слова: картина мира, языковая личность, соматическая идиоматика, традиционная культура.

Традиционная, или народная, культура привлекает внимание исследователей и как один из типов культур в пределах русского языкового сообщества, и как источник формирования национальной ментальности. В рамках изучения характера взаимодействия и взаимообусловленности языка и культуры актуальным представляется обращение к традиционной картине мира, воплощённой в речи её реального носителя. Таким образом, вопросы, обсуждаемые в статье, находятся в точке пересечения двух смежных областей лингвистического знания: лингвокультурологии и лингвоперсонологии.

Реконструкция картины мира, сформированной в индивидуальном сознании, требует прежде всего особой эмпирической базы, фиксирующей естественное языковое существование индивида в течение длительного времени. Томскими диалектологами на протяжении почти четверти века велись наблюдения над языковой личностью (далее – ЯЛ) Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), коренной жительницы с. Вершинино Томской области. Собранный материал, представляющий собой записи речи информанта в различных коммуникативных ситуациях (объём текстов составляет 10 тыс. печатных страниц), лёг в основу «Полного словаря диалектной языковой личности» в 4 томах, два из которых опубликованы [1], оставшиеся подготовлены к печати.

Идеографический анализ лексикона В.П. Вершининой, осуществлённый Е.В. Иванцовой [2. С. 162–163], показывает, что в пределах сферы «Человек» приоритетной выступает область описания человека как биологического существа, в которой лексико-семантическое поле «Тело», включающее около 200 единиц, предстаёт наиболее обширным и – с учётом вторичных номинаций – семантически разработанным. Кроме того, соматическая лексика в речи ЯЛ характеризуется высокой частотностью употребления. Всё это указывает на значимость данного лексического пласта в описании картины мира и побуждает к более детальному анализу.

Внимание к явлениям соматики, воплощённым в формах языка, особо актуально для исследований когнитивной направленности: такого рода описания дают ключ к пониманию механизмов когниции, в том числе и в их

проекции на феномен культуры. Это нашло отражение в ряде работ последних десятилетий¹. Исследователи отмечают, что осмысление человеком своего тела – первый шаг к самопознанию индивида. «Тело человека, – пишет Г.И. Берестнев, – задаёт самопознанию ряд содержательных характеристик, то есть человек отождествляет свои деятельностные функции, поведенческие акты, рациональную и эмоциональную сферы, одним словом, своё внутренне «Я» – с внешним «Я», с телом и частями тела» [3. С. 15].

Когнитивные модели, базирующиеся на соматических впечатлениях, относятся к числу архаических, глубинных и наиболее устойчивых. В них получает отражение восходящий к дологическому периоду языка мифологический тип мышления. Способом его языковой репрезентации выступают не прямые, косвенные номинации, за которыми стоит «переживание сущности одного рода в терминах сущности другого рода» (Лакофф и Джонсон).

Обращение к описываемому материалу показывает, что соматические единицы (обозначения тела человека, тех или иных его частей, внутренних органов и субстанций, дополнительных покровов) в подавляющем большинстве образуют широкие ряды фразеологизмов. Выступая в речи уже готовыми, «собранными» блоками, за которыми закреплены устойчивые воспроизводимые образы, они, с позиции анализа, позволяют судить о способах осмысления мира говорящим субъектом через соматический код и вместе с тем содержат культурно значимую информацию, так как устойчивость есть одна из форм коллективной культурной памяти [4. С. 134].

Соматические номинации, становясь в составе идиом знаками семиотической вторичности, формируют новое, выводное знание, основанное на представлении о типовых свойствах денотата, и отбор тех или иных свойств для создания образа представляет собой акт миромоделирования, в котором отражается «точка зрения» на мир носителя определённой лингвокультуры. Конвенционально принятое абстрактное переосмысление соматического имени влечёт за собой изменение его номинативной функции на символическую или эталонную, при этом как состав символов и эталонов, так и способы их интерпретации являются этнически ориентированными и, следовательно, культурно специфичными.

О высокой степени «телесности» мировидения ЯЛ можно судить по представленности в дискурсе фразеологических рядов, включающих практически все единицы, характеризующие человека, его физиологическую и ментальную сферу: *тело, голова/башка, макушка, лицо/морда/рожа, глаза, нос, норка 'ноздря', лоб, рот, голос, губы, щёки, уши, зубы, язык, горло, шея, спина, руки, локти, пальцы, кулак, талия, грудь, душа, сердце, ум, живот/брюхо/пузо/пузень, плечо, бок, задница/жопа/срака, нога, колено, стопа, пятка, кишка, волосы/волосья, усы, борода, кровь, жир, сопли, слёзы, говно, кожа, кости.*

Функциональная нагруженность соматизмов различна: наиболее задействованными, то есть семантически разработанными, оказываются имена таких органов и частей тела, как *руки, ноги, глаза, голова, душа, язык.* Выде-

¹ См. работы Г.И. Берестнева, Е. Бартминского, Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, Л.Н. Иорданской, И.Б. Левонтиной, Е.В. Рахилиной, В.Н. Телия, Е.В. Урысон и др.

ленность данных имён отчасти носит универсальный характер, так как их денотаты связаны с базовыми функциями человека как биологического существа, однако в рамках фразеологического описания мира они подвергаются множественной детализации, в которой набор аспектируемых признаков характеризуется существенным своеобразием.

Включённая в дискурсивный контекст соматическая фразеология может быть представлена в виде своего рода идеографических полей, смысловые основания которых формируют спектр референтных зон, интерпретируемых ЯЛ через соотнесённость с человеческим телом. Следует признать, что границы этих полей не всегда прозрачны, что объясняется диффузностью семантики фразеологизма, отмеченной взаимопроникновением категоризирующих и метафорических смыслов, принадлежащих, как правило, к разным тематическим основаниям [5. С. 173–175]. Однако общая картина вырисовывается достаточно отчётливо.

Одним из главных аспектов осмысления непосредственного существования человека в физическом мире является **пространство**, «телесное» переживание которого находит множественное отражение в дискурсе ЯЛ. Как показывает материал, конструирование пространства относительно человеческого тела осуществляется субъектом с учётом топологических характеристик человека, а также зрительных и тактильных ощущений, что обуславливает задействованность в пространственной координации рук, ног, бока, спины, головы, глаз, носа (*в голова, в головах, в голову, в ногах, в ноги, со спины, на праву руку, на леву руку, с одного боку, с другого боку*).

Обусловленность дистанционных характеристик объектов позицией говорящего определяет способ их описания с опорой на присутствие/отсутствие в личном пространстве, что передаётся через образно представленные зрительные и тактильные ощущения. Близость, «соматическая достижимость» (В.Н. Телия) объекта выражается фразеологизмами *под нос, под руками, попасть под руку, на глазах, попасть на глаза*. Удалённость в пространстве связывается прежде всего со зрительной недоступностью: *в глаза не видеть, глаза не казать, глаза не показывать* 'не появляться где-л.', *глаза скрывать, глаза сматывать* 'экспр. уезжать, переезжать', *за глазами* 'не на виду', *на глаза не принимать* 'категорически не желать видеть кого-л.'. Через зрительные ассоциации обозначается и движение в пространстве: *куда глаза глядят, вперёд глазами* 'не выбирая пути, без определённой цели'.

В «телесной» интерпретации мира находят отражение **временные** отношения, трактуемые как разновидность пространственных. Так, пространственное понимание времени проявляется в идиомах с семантикой приближения, близкого наступления какого-либо события (*Восьмое марта над головой, смерть на глазах/за глаза*): в данном случае точкой отсчёта служат голова, метонимически замещающая всего человека, и глаза, символизирующие зрительную доступность и, следовательно, близость овеществлённого времени.

Посредством элементов состава человека реализуются разного рода количественные характеристики, образующие поле «**мера**».

Стереотипным эталоном малого количества выступает волос, тонкость которого как аспектируемый признак формирует образ воплощённого в фи-

зической форме минимального временного отрезка (*Тот раз ночь не спала пошто-то я... Ну всю ночь на волос не уснула. Всю ночь*), а также слезинка, ассоциативно соотносимая с ничтожно малым количеством жидкости (*Дак она гыт: «Кого она мне там налила [спиртного], Физе гыт, – слезинку!»*). Палец, кулак служат эталонами для представления размера объекта, его объёма, длины, толщины и т.п. (*в палец, по пальцу, как кулаки*), приблизительное измерение осуществляется *на глаз* (*Шибко худо она вязала. Напрядёт шерсть, в палец толишой; Он [младенец] маленький, Поля! Прямо мелкий он, шибко! Ручки от по пальчику, по пальцу моёму будут; Эту сеяли, просу. Хороша была. Котору так врассыпну, кисти-то эти, а котора, прям сильно так, как кулаки, большие таки; Уксус, надо клась чё-то сколько там, соли сколько, я забыла. Ну взяла да так на глаз изделала*).

Знаками превышающей норму достаточности чего-либо выступают голова, глаза, уши, горло, то есть органы, маркирующие, в силу своего расположения, верхние границы человеческого тела. При этом если первые три ассоциируются с внешней границей (*работы выше глаз, дел за глаза, игрушек дополна, выше головы, по ушей в долгу*), то последнее – горло – очевидно, указывает на предельное заполнение внутреннего пространства, поскольку речь идёт о еде (*У меня своё, ись-то, по горло*).

Высокоразработанной предстаёт в идиолекте область разноаспектных **характеристик человека**. В ней можно выделить характеристики по физическому параметру (*как кровь с молоком, кожа да кости, ни глаз ни рожки* ‘о человеке в синяках’ и др.). Они апеллируют прежде всего к зрительным впечатлениям, но при этом включают оценочную семантику, выводимую из метафорического основания идиомы. Например, сочетание *кровь с молоком* отражает не просто цвет (румяный), но ярко выраженные признаки здоровья, крепости, что обуславливается культурными коннотациями «крови», символизирующей жизненную силу человека, и «молока», которое «в гастрономическом коде культуры связывается с представлением о достатке, благополучии» [6. С. 203]. Их смысловой синкретизм психологизирует образ, наделяя его позитивной эстетической оценкой: *Георгий-то. Прям шишки-то надуты, моришки-то ни одной нет, как кровь с молоком сидит*.

Надо сказать, что число идиом, отражающих внешние характеристики, невелико. Наблюдения показывают, что в крестьянской культуре эстетическое оценивание количественно значительно уступает прямой или косвенной оценке с позиций этической нормы, поэтому основной массив данного поля составляют описания лица по присущим ему качествам, свойствам характера в их ситуативном проявлении, например: *рот поганый* ‘о человеке, склонном к нецензурной брани и выпивке’, *долгий язык, хитра жопа, правая рука, золоты руки, из рук ничё не выпало* ‘мастер на все руки’, *ухо с глазом, губа не дура, лёгкий на ногу, сам с усам, ушки на макушке* ‘о подвижном энергичном человеке’, *добра душа, умственна голова* и др.

Такого рода характеристики мотивируются главным образом функцией соответствующей части тела, которая служит основанием для формирования стереотипного образа, реализующего символическое значение соматизма. Например, во фразеологизме *золоты руки* ‘о том, кто умело, искусно всё делает, справляется с любой работой’ рука выступает как символ деятельности,

оценка же привносится признаком «золотой», в котором воплощается принятая в русской культуре идея большой ценности (*Уж чё он только не делал, чё только не делал! Золоты руки были*).

Рука, будучи полисемантической единицей телесного кода (как, впрочем, и подавляющее большинство других единиц), в идиоме *правая рука* является символом помощи. При этом культурная коннотация слова *правый*, этимологически связанного со смыслами ‘прямой’, ‘сильный’, ‘мужской’, ‘истинный’, ‘верный’, ‘праведный’, то есть когнитивная память слова, порождает положительное оценивание (*Тожэ права рука моя [племянник]. Права рука, гыт. Всё равно, от так не можешь другой раз. Он... [поможет]*).

В другой характеристике – *ухо с глазом* ‘о проворном, бойком, наблюдательном человеке, как правило, готовом к предосудительным поступкам’ – метонимическая замена всего человека на фокусируемые *ухо* и *глаз* – органы слуха и зрения – заключает в себе указание на эмоциональное отношение (обычно негативное) к характеризуемому (*А Серёжка приходит, этот парень-то, а он же ухо с глазом! ~ А я свет-то зажгла, а в подполье туды-то видать, он выглядел [что там есть водка]*).

Соматическая лексика служит основанием для описания различного рода **действий**: *выгнать в шею, нос пихать, руки не покладывай, зубы помочить, с зубов кожу содрать, по щеке ударить* ‘осудить’, *горло смазывать* ‘употреблять спиртное’, *налить глаза, из ноги выламывать* ‘настойчиво требовать’, *нос тычить, поскалить зубы* ‘посмеяться, пошутить’, *капать каплюшки на голову* ‘постоянно говорить об одном и том же’ и др. Поскольку образное значение идиом данного поля направлено не на объективное описание действия, а на его оценочную интерпретацию, точнее было бы говорить не о собственно действии, а о характеристике поведения в той или иной ситуации. Так, в идиоме *с зубов кожу содрать* ‘отобрать последнее’ в парадоксальности образа акцентируется не конкретное действие, а способ поведения, в который привносится отношение к нему говорящего (*Квартера трёхкомнатна, Катя, – ну куды... како наследство ей надо? Кого тут-ка? С зубов кожу содрать ешо тут? Кого тут надо-то?*). Как правило, признаки поведения отмечены высокой степенью интенсивности проявления, например: *с руками оторвать, как языком вылизать, в руках кипит, за ушами трещит, из-под ног огонь летит, задницу салом смазать* и др.

Референтная отнесённость идиом, обозначающих поведенческие акции, по понятным причинам весьма разнообразна и трудно поддаётся типизации. Наиболее отчётливо выделяется сфера речевых, волевых и интеллектуальных действий.

Органы, участвующие в производстве речи, – язык, зубы, рот – в описании **речевых действий** становятся основой для образного представления ситуации. Центральное место отводится языку, через который характеризуются, причём обычно отрицательно, такие качества речи, как неподкреплённость слов действиями – пустословие (*болтать языком*); необдуманность (*что на уме, то и на языке*); несвоевременность сообщаемого, неумение сдержаться (*с языком высунуться, как за язык кто выпихал/вытянул, язык далёко запрятать, тянуть за язык*); взаимопонимание между участниками общения (*найти общий язык*); безусловная понятность речи (*говорить рус-*

ским языком). Приведём некоторые иллюстрирующие контексты: *Он говорит: «Напьются да сулятся ~ Не люблю я таких». Я говорю: «Ты как и я, я тоже не люблю болтать здря языком»; Аксинья мылась-мылась у меня в бане зимой, а потом и говорит: «Ты знаешь чё, дорога товарка, я у тебя в бане заразилась. Сыпь изделалась». Беда прямо с ей. Чё на уме, то и на языке; Дак ведь она сама с языком-то высунулась: «Я уйду отсюда, уйду!»; Я говорю: «Они гулять поехали, на Усть-Сосновку». За язык как кто вытащил; Стары были бы или я молода – обшый язык нашли бы; Я же ей русским языком сказала: «Тебе отдам». «Язык» в символической функции служит не столько для описания речевых действий, сколько для характеристики человека как субъекта речи, при этом он может быть худым, поганым, долгим/долговатым, без костей, острым, если человеку свойственно говорить что-то резкое, бестактное, лишнее, непотребное, остроумно-язвительное и под. Наряду с содержательной стороной речи оценке подлежат и её акустические качества: *беззубый, шепелявый язык (Чудно я говорю. Язык-то худой, беззубый. Шепелявым своим языком беззубым...)*.*

Зубы, также участвующие в производстве речи, выступают в качестве образного ограничителя (*держат язык за зубами, сказать сквозь зубочков* ‘с неудовольствием, неохотно’: *Край надо говорить чё попало! ~ Язык-то за зубами надо держать; Подала ему четыре тысячи. Я говорю: «Мало, поди?» – «Ну, хватит» – так сквозь зубочков*); кроме того, с ними связывается проявление речевой агрессии (*зубатить* ‘дерзко спорить, возражать’: *«Ольга, гыт, с матерью зубатит! Зубатит! За грехи, гыт, прямо. Мать слово – а она, гыт, десять ей на ответ*).

В сфере **волевых действий** соответствующие ассоциативные ходы, как и в других случаях, мотивируются функцией соматизма. Так, ограничивать свободу действия, подчиняя своей воле, – *держат в руках*, а снять ограничения – *отпустить из рук (Отпустили его из рук, он и начал и начал такой... балованный мальчик, балованный прям; А тот [муж] не пьёт. Ну, маленько в руках, видно, держала его)*. Или в идиоме *за горло рада взять* угроза горлу, метонимически связанному с дыханием, порождает эмоционально насыщенный образ достижения желаемого (*За горло рада взять – колбасу просит*). Вообще для передачи интенсивного, настойчивого утверждения воли субъекта характерно использование семантики разнонаправленного болевого воздействия на ту или иную часть тела: *из ноги выламывать/ломить, готов глаза царапать/копать (копать – ‘колоть, тыкать’), хоть кол на голове чеши*. При этом выбор аспектируемого признака может и не связываться с символической функцией соматического имени (*Сашка из ноги ломит: «Айда купаться!» Так говорят, что из ноги выломит; Я говорю Тане в глаза: изнежите, исповадите [дочь], она и щас готова глаза копать; Ему хоть кол на голове чеши, он всё равно своё*).

Сфера **интеллектуальных действий** устойчиво формируется соматизмами *голова/башка* и метонимически связанным с ней *умом* – локусами мыслительной деятельности.

Работа интеллекта может передаваться через деструктивное действие, объектом которого выступает голова (*голову ломать* ‘усиленно думать, решать трудный вопрос’), или через фиксацию болевых ощущений (*голова не*

болит ‘ничто не заботит, не беспокоит’), однако в основном корпусе идиом данной сферы *голова* и *ум* интерпретируются как вид внутреннего пространства, моделируемого по типу внешнего, где базовой выступает метафора движения: *пасть в голову/в бабку, дойти умом, пойдёт на ум, на ум чё-то попало, с ума с разума не сходит, на уме вертится, задним умом жить* и др.

В исследуемом материале наиболее высокой номинативной плотностью характеризуется поле **физических и эмоциональных состояний и чувств человека**, способ объективации которых, в силу их ненаблюдаемости, может носить только образный характер.

Класс идиом физического состояния относительно малочислен. Входящие в него единицы однообразно отражают семантику общей усталости, слабости через дисфункцию рук и ног: *руки-ноги отпали; насилу ноги передвигать; ни рук ни ног; ни рукой ни ногой*. С рукой же связывается состояние внезапного облегчения: *как рукой сняло*¹.

Основной массив поля составляют идиомы, отражающие эмоции и чувства.

Одним из видов означивания психологических состояний является опора на внешние физиологические проявления, сопутствующие проживаемой эмоции. Например, через неконтролируемую реакцию тела – расширение глаз, сокращение мышц, вызывающее движение волос, учащённое дыхание, слёзы – передаётся удивление (*глаза на лоб, выпучить глаза, волосья шишом*), сильное желание (*норка свистит*), чувство страха, тревоги (*мороз по коже*), горя (*глаза на слезах*): [*Узнав, что можно продать пустые головки мака*] *Ой, у меня волосья шишом! А ладно, может быть, я и продам; Пятсот рублей банку! Я прям глаза на лоб у меня! Грыбы – полторы тысячи банку; А щас опять это, привозила Нюра поросят... Ну и она... У ей норка свистела, так мне охота, чтобы и Вале-то, пополам; [Мать пожелала сыну на дорогу плохого.] Даже кажется мороз по коже. Вот он ушёл – как я за него переживаю; А сам – глаза на слезав... Ну, наверно, пьяненький. ~ «Баба Дуся умерла».*

Чувства и состояния могут выражаться через уподобление внутренних эмоциональных ощущений физическим (*ижно кожу содират* ‘о чувстве глубокой обиды’), через использование топологических характеристик человека (*по рукам и ногам ненавидеть*), через описание парадоксальных, невозможных в реальности действий (*локти кусать/грызть* и ситуативный вариант *все руки изгрызть* ‘о чувстве досады от упущенной возможности’), однако самым продуктивным способом представления данной сферы является приписывание определённым органам символической функции носителя чувств. Такими органами в русской культуре, как известно, выступают душа, сердце, грудь. Осмысляясь как локусы чувств, они получают в идиолекте многоаспектную детализацию, определяемую в каждом конкретном случае

¹ Отметим, что в силу преклонного возраста информанта описание болезненных состояний коммуникативно востребовано, однако оно тяготеет к конкретизации и объективируется иными образными средствами (ср.: *как в тисы бы схватит; как током дёрнет; в голове как лес шумит; как ветер лес ломат; как огонь жжёт, как собаки грызут; как гусь шишынёт; как топором секнет; как жигалом тычет; как когти вцепил кто* и др.).

механизмами уподобления абстрактного овеществлённому, конкретному, зримому: *в душе, на душе, от души, не к душе, по душам, душа в душу, душа улетывает 'о чувстве радости', всю душу вытянуть, за первую душу, душа вылезет, в груди тает, как по сердцу ножом, сердце кошки скребут, сердце стукнуло, принимать к сердцу, сердце кровью обольётся, сердце от горя закаменело* и др.

Соматическая лексика служит не только средством конструирования через образ новой реальности, но и обнаруживает следы древних мифологических представлений **о магической силе слова**. Это прослеживается в пожеланиях, восходящих к приёмам словесной магии (*язви тебя в душу, якорь тебя в душу, язви в сердце, тупун тебе на язык, чтоб ему руки отпали* 'пожелание совершившему кражу'), а также в заверениях в правдивости сказанного (*лопни глаз*), в приписывании магических свойств тому или иному органу (*хороший глаз* 'о неспособности взглядом нанести вред, сглазить': *...Глаз если хороший, дак можно [поросят посмотреть]. А так дак тётя Лена посмотрела – поросёнок пропал*).

Здесь же можно отметить бранные пожелания с компонентом *иди/подь* типа *иди ты в сраку, в жопу носом*, в которых реализуется смысл нежелания контакта, отсылания в чужое пространство, маркированное органами телесного «низа». К телесному «низу» относятся не только части тела, но и связанные с ними физиологические процессы. Значение их имён символизирует нечистоту и в составе идиомы всегда указывает на отрицательное отношение к субъекту ситуации или его действиям (*под жопу скласть, лизать жопу, хитра жопа, куча говна* 'о человеке', *спихнуть как говно с лопаты* и др.). За такими соматизмами закреплена в идиолекте одна функция, большинство же единиц проявляют полифункциональность, «отвечая» за различные аспекты человека. Например, *голова* может выступать категоризатором пространства (*в голова, с головы*), а также времени (*Восьмое марта над головой*), быть атрибутом меры, указывая на превышение нормы достаточности (*выше головы*), символизировать мыслительную деятельность человека, осмысляясь как локус ума и памяти (*ломать головы, умственна голова, пасть в голову*), символизировать самую важную роль чего-либо в определённой области жизни (*хлеб – всему голова, муж – голова семьи*).

Народная культура, и в частности традиционные говоры, на протяжении веков служила фундаментом национальной культуры, её основой, поэтому ассоциативные ходы, связанные с реализацией каждой из функций соматизма, легко прочитываются носителем русского языка, будь то представитель элитарного или традиционного слоя культуры. **Они функционируют как архетипы коллективных представлений этноса, выполняя при этом роль знаков национальной идентичности.**

Если же говорить об индивидуальном, личностном начале, то оно проявляется в обращении ЯЛ к единицам соматики в процессе коммуникативного взаимодействия, во включении их в речевой контекст на том основании, что для неё это не изобразительное средство языка, а естественный способ мышления, тяготеющий к образному, недискурсивному отражению мира. Это определяет, с одной стороны, высокую плотность соматической идиоматики в речи ЯЛ, причём, как видно из анализа, она охватывает практически все

жизненные сферы, с другой – сам характер речи. В описании мира человека традиционное сознание подмечает характерную позу (*поправиться ногами к шее* ‘о смерти’), типичные ситуативные жесты (*руками-ногами бить* ‘отказываться от чего-либо’), внешние проявления, проецирующие поведенческие характеристики (*как в рот заглядывать* ‘заискивать’), точную ассоциативную связь одной ситуации с другой (*обоими руками вцепиться* ‘ценить, дорожить кем-либо’; *запеть другим голосом* ‘резко изменить своё поведение, образ жизни’). Примеры можно множить. Всё это наделяет создаваемые образы изобразительностью, которая родственна, по удачному выражению В.Д. Черняк, наивной живописи и вместе с тем порождает психологическое напряжение, что определяет яркую специфику речи носителя традиционной культуры.

Подводя итог, отметим, что описание соматической лексики выявляет очень важное типологическое свойство традиционной картины мира, проявленной в индивидуальном сознании, а именно **высокую степень «телесности» мировидения как особый когнитивно-культурный феномен.**

Литература

1. *Полный словарь* диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1: А–З; 2007. Т. 2: И–О.
2. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
3. *Берестнев Г.И.* Самопознание личности в зеркале языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
4. *Брагина Н.Г.* Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // *Фразеология в контексте культуры.* М., 1999.
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
6. *Гудков Д.Б., Ковинова М.Л.* Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007.